

волосы) абсолютно лишена какой-либо функциональной нагрузки. Остается предположить, что толкование это — формально и не соответствует семантике «прозвища» героя.

В XVII в. в России получил широкое распространение греческий термин-символ $\xi\alpha\nu\theta\acute{\omicron}\varsigma \gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$, который в переводе означал «светловолосый, рыжеволосый» (мог означать и «золотоволосый») народ». Этот термин греки употребляли по отношению к чужим могущественным варварским народам (причем «варварские» в значении народов негреческого происхождения, безотносительно уровня их развития), с которыми связывалось представление о всевозможных несчастьях, разрушениях, гибели. Но этот же термин по отношению к грекам имел прямо противоположное значение, т. е. народ красивый, благородный, умный и пр. Себя греки тоже называли $\xi\alpha\nu\theta\acute{\omicron}\varsigma \gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$. Не только целый народ, но и каждый отдельный человек мог быть $\xi\alpha\nu\theta\acute{\omicron}\varsigma \gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$.²⁷

В I редакции эта фраза выглядит следующим образом: «... и имел у себя единого сына... zelo добролична, и доброславна, и премудра. Таковые ради его красоты прозва его Златовласым» (ГИМ, Музейное собр., № 1283). Если во II редакции повести толкование «красоты» героя связывается с золотым сиянием его волос и, не получая никакой реализации в тексте, является результатом переработки, «редактирования» повести, то понимание «красоты» в текстах I редакции полностью соответствует тем представлениям, которые связывались с термином-символом $\xi\alpha\nu\theta\acute{\omicron}\varsigma \gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$, употребляемом по отношению к грекам («... zelo добролична, и доброславна, и премудра»). Если предположить, что «Златовласый» является переводом греческого $\xi\alpha\nu\theta\acute{\omicron}\varsigma \gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$, то становится понятна и функция «прозвища», так как все удивляются не золотым волосам, а именно красоте, разуму и благородству «раба гости Василя», именно эти его качества возбуждают любопытство королевы Полиместры; они же являются главными в характеристике героя.

В повести есть эпизод, когда королевич собирается ехать во Францию. Очевидно, именно с этого эпизода появилось в архетипе имя героя «Василий». Подтверждается это, в частности, тем, что королевич едет во Францию «неявным лицом», а так как он переодевает своих отроков и переодевается сам, то логично предположить, что изменив их имена, он изменяет и свое имя, становясь отныне Василием (в списке ГИМ, собр. Барсова, № 2410 читаем: «Василием себя же учини, рабом гостю, протчих же тридцать отроков — наемники»; но все списки дают разные чтения). Здесь уместно вспомнить, что другой герой, Петр Златых Ключей, отправляясь в чужие страны, тоже скрывает свое имя, так как «честному и славному рыцарю о имени своем сказываться рыцарский устав запрещает». Тогда становится понятен и смысл оборота «Валаомих, еже есть Василий». В данном случае перед нами не перевод имени на русский язык (ибо имя «Василий, восходящее к греческому βασιλειος — «царский», семантически не равнозначно имени «Валаомих»), а как бы пояснение, сноски: «... он же Василий».

Высказанное выше предположение о системе значимых греческих имен может на первый взгляд показаться необоснованным и неоправданным. Действительно, с лингвистической точки зрения можно только условно говорить о какой-либо системе, так как в трех случаях из четырех мы не имеем исходной формы имен и вынуждены апеллировать к догадкам. Однако все становится на свои места, если обратиться к художественным

²⁷ Приношу мою искреннюю благодарность И. Н. Лебдевой за эти ценные сведения.